

Дискуссии

ЛУКАВЫЙ, МАНИПУЛЯТИВНЫЙ,
САМОДОВОЛЬНЫЙ БУРЖУАЗНЫЙ
ОПТИМИЗМ(о рецензии Д. Макклоски на книгу Т. Пикетти
«Капитал в XXI веке»)¹

Петр ОРЕХОВСКИЙ

Ореховский Петр Александрович —
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики
РАН (117218, Москва, Нахимовский просп., 32);
профессор Финансового университета
при Правительстве РФ (125993, Москва,
Ленинградский просп., 49).
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Аннотация

Книга Томаса Пикетти «Капитал в XXI веке» посвящена росту неравенства, который наблюдается в богатых западных странах начиная с 1980-х годов. Пикетти использует двухфакторную модель экономического роста, распределяя ВВП между трудом и капиталом. Доходность капитала — рентабельность, измеряемая в процентах. Таким образом, если темп прироста населения, определяющий темп прироста занятости, меньше или равен темпу прироста капитала, а общий темп прироста ВВП ниже, чем доходность капитала, то доля труда (зарплаты) в ВВП снижается, а доля доходов от капитала растет. Дейдра Макклоски резко критикует как методы анализа, применяемые Пикетти, так и результаты его исследования. Она утверждает, что Пикетти игнорирует фактор «человеческого капитала», который является основным источником экономического роста. Тем самым она сводит процесс экономического роста к однофакторной модели, где рабочие — владельцы человеческого капитала — также становятся капиталистами. Таким образом, допускается риторическая подтасовка, и категория «человеческий капитал» переносится из сферы производства в сферу распределения дохода. Макклоски также допускает личные выпады, пытаясь дискредитировать научную репутацию Пикетти как человека, который не знает элементарных микроэкономических моделей. Для этого используется небольшая ошибка Пикетти, связанная с игнорированием реакции предложения на дефицит товара. При этом сама Макклоски, стремясь уязвить противника, игнорирует наличие вебленовских товаров и шумпетерианской конкуренции. Наконец, Макклоски занимается безудержной пропагандой капитализма, которая не имеет отношения к сути работы Пикетти. Тем не менее выводы Пикетти действительно могут быть ошибочны. Однако это связано с возможной технологической паузой и с существенными изменениями социальной структуры — с факторами, которые выходят далеко за рамки исследования Пикетти.

Ключевые слова: Томас Пикетти, Дейдра Макклоски, риторика, человеческий капитал, вебленовские эффекты, долгосрочный экономический рост.

JEL: B41, D11, D33, E24, O43.

¹ Le Capital au XXIe siècle, Paris: Éditions du Seuil, 2013; Capital in the Twenty-First Century, Harvard University Press, 2014; Das Kapital im 21. Jahrhundert, München: Verlag C. H. Beck, 2014; Капитал в XXI веке. М.: Ad Marginem, 2015. — Прим. ред.

Работа Томаса Пикетти [Пикетти, 2016; Piketty, 2014] пока еще не стала предметом широкого обсуждения в российской экономической аудитории, она воспринимается скорее как книга «о них», нежели «о нас». Основная проблема «Капитала в XXI веке» — «размывание» среднего класса в богатых странах, эта книга продолжает довольно большой ряд публикаций на ту же тему, среди которых можно выделить переведенные на русский язык «Кредо либерала» Пола Кругмана, «Цену неравенства» Джозефа Стиглица, «Послешок» Роберта Райха. Основная часть этих работ связана с критикой неолиберализма и налоговых реформ в стиле Рейгана — Тэтчер. Снижение удельного веса среднего класса в этом случае объясняется через уменьшение прогрессивности налогообложения и частичный демонтаж «государства благосостояния» — понятно, что это не «про Россию». Напротив, книга Пикетти интересна как раз тем, что увеличение дифференциации доходов здесь представляется как результат естественного хода капиталистического развития последних лет. Неолиберальные реформы способствовали этому, но не более того, поэтому возврат к прогрессивному налогообложению и различным системам социальной поддержки в этих условиях может несколько задержать, но не ликвидировать эту «новую социальную реальность».

Выводы Пикетти основаны на простых и интуитивно понятных аргументах. Продолжая старую классическую традицию, он сводит все виды доходов к двум: доходам от труда и доходам от капитала, которые в сумме и представляют весь национальный доход. Если темпы роста последнего ниже, чем норма доходности капитала, то доля, приходящаяся на капитал, будет увеличиваться, а доля, приходящаяся на труд, — снижаться. Поскольку же возможности концентрации капитала у богатых гораздо выше, чем возможности перехода массы работников в ряды высокооплачиваемых, постольку такое перераспределение в сторону капитала будет приводить к общему росту социальной дифференциации. К дополнительным условиям следует добавить низкие темпы роста населения (иначе объем вовлекаемого труда будет расти, и доля труда будет увеличиваться) и стабильную норму накопления (снижение нормы будет уменьшать объем капитала, он будет «выбывать», доля труда может увеличиваться; рост нормы накопления приведет к обратным результатам). Примерно такое положение и наблюдается в XXI веке в странах ОЭСР. Высокие темпы экономического роста США и европейских стран, наблюдавшиеся во второй половине XIX века и весь XX век, являются своеобразной аномалией, которая постепенно изживает себя. Большую часть второго тысячелетия Западная Европа характеризовалась темпами 0,5–1% в год или меньше, в XXI веке происходит новое замедление. Остальной

обширный текст книги представляет собой эмпирическую проверку этих теоретических гипотез, литературные иллюстрации и некоторые инструментальные рекомендации, призванные замедлить рост неравенства.

Поскольку речь идет о прогнозе, выводы Пикетти, естественно, представляются дискуссионными. Однако оспаривать их можно по-разному. Макклоски — известная мастерица риторики (искусства убеждать), автор популярной в России монографии (Макклоски, 2015; McCloskey, 1998) — делает это с помощью лукавых манипуляций, играя на чувствах читателя. Статья, посвященная книге Пикетти, вместе со списком литературы насчитывает 42 страницы — есть где разгуляться, начав с комплиментов автору, чтобы впоследствии закончить уничтожающим:

«Его телодвижения в сторону культуры свелись в основном к нескольким наивно истолкованным ссылкам на поверхностно прочитанные романы, за что он, к сожалению, удостоился похвалы слева... Его социальная тема — это ограниченная этика зависти. Его политика исходит из посылки, что государство может сделать всё, что ему предложат. А его экономика неверна от начала до конца.

Это смелая книга. Но ее автор ошибается» [Макклоски, 2015. С. 193].

Замечательно. Тема закрыта, цель статьи достигнута — после такого заключения мало кому захочется читать «большую книгу — 577 страниц текста, 76 страниц примечаний, 115 диаграмм, таблиц и графиков» [Макклоски, 2015. С. 153], Макклоски же всё всем объяснила. Или нет?

Риторические упражнения Макклоски, направленные на доказательство ничтожности результатов Пикетти, сводятся к трем основным видам аргументов: *содержательным, личностным, идеологическим*. Далее рассматривается лишь часть используемых Макклоски уловок — полный анализ дискурса потребует разбора массы цитат; квалифицированный читатель при желании может сделать это сам.

Принципиальное *содержательное* возражение, которое Макклоски приводит против логики Пикетти, по сути, только одно.

«На самом деле росла оплата простого труда, и особенно значительным было увеличение доходности накопленного *человеческого* капитала (курсив Макклоски. — П. О.) — но это капитал, который принадлежит работникам, а не собственно богатым людям, ...начиная с 1800 года среднедушевой доход рабочих в средне-статистической богатой стране увеличился примерно в 30 раз..., а в целом мире, в том числе и в по-прежнему бедных странах, — в 10 раз (на 900%), в то время как ставка доходности физического капитала остается на прежнем уровне.

...Пикетти не признаёт, что каждая волна изобретателей, предпринимателей и даже обычных капиталистов обнаруживают, что их выигрыш забирается у них благодаря входу на рынок — это экономическое понятие он, кажется, не может постичь...» [Макклоски, 2015. С. 166].

И дальше — всё в ту же тему:

«Технические изъяны в аргументации рассеяны в книге повсеместно... Например (и это большой недостаток), определение богатства Пикетти не включает человеческий капитал, которым владеют рабочие и который в богатых странах вырос до того, что стал основным источником доходов в виде знаний и социальных привычек, принадлежавшим всем, кто имеет к ним доступ. Поэтому его кропотливо выстроенные графики соотношения между капиталом (чисто физическим и частным) и объемами выпуска являются ошибочными. В них не учитывается одна из основных форм капитала в современном мире» [Макклоски, 2015. С. 169].

Вот, собственно, и всё. Работники — владельцы человеческого капитала, стало быть, почти такие же капиталисты, как и владельцы капитала физического; за тем исключением, что человеческий капитал имеет более высокую доходность, так что сочувствовать надо вовсе не работникам, а предпринимателям. Пикетти этого «не может постичь».

Что ж, разберем это возражение Макклоски по порядку. Во-первых, «человеческий капитал принадлежит работникам». Для большинства российских читателей очевидно, что доход работника в меньшей степени зависит от его «человеческого капитала», и в гораздо большей степени — от *места приложения* этого «капитала». Другими словами, доход, приносимый одинаковым «человеческим капиталом» водителя автобуса, учителя, врача, юриста, банковского служащего в Барнауле и в Москве будет различаться в разы. Как ни странно, это способны заметить даже экономисты из богатых стран:

«Я провел в Перу всего два дня. Меня удивляло, что люди, которых я видел за работой, — носильщики в аэропорту, водители автобусов, персонал в гостинице, продавцы в магазинах — работали ничуть не менее эффективно, чем их коллеги в Норвегии... что такого особенного в этом рынке, который вознаграждает людей с одинаковым уровнем производительности настолько разными доходами в разных странах?... Мое любопытство росло. Почему, как недавно подсчитал Всемирный банк, водитель автобуса во Франкфурте получает реальную зарплату, в 16 раз большую, чем не менее профессиональный водитель автобуса в Нигерии?» [Райнерт, 2014. С. 33; Reinert, 2007].

Если руководствоваться логикой Макклоски — и ее же риторикой — то, по подсчетам Всемирного банка, водителям автобуса во Франкфурте принадлежит не более 1/16 их «человеческого капитала». Это *не их* собственность, этот капитал принадлежит «Франкфурту» или еще какому-то субъекту, который не хочет заменять этих водителей на нигерийских.

Во-вторых, Макклоски совершает риторический подлог, заменяя «труд» на «капитал», переходя от двухфакторной модели экономического роста к однофакторной. Однако если труда нет, а есть «человеческий капитал», то для начала требуется изменение всей методики фиксации затрат труда, а заодно и принципов налогообложения. То, что называется «оплатой труда», в этом случае будет

представлять собой сумму «амортизации человеческого капитала» (и в качестве таковой, как «издержки», должна выводиться из-под налогообложения) плюс проценты, приносимые этим самым трудом (эта часть будет подвергаться налогообложению как доходы с капитала). При этом налоги, связанные с оплатой труда, исчезают вместе с самой оплатой труда — теперь они представляют собой «доход на капитал».

Заодно потребуется решить множество любопытных задач, связанных как с определением стоимости и доходности капитала, так и с правами собственности. Как измерить амортизацию и производительность человеческого капитала Макклоски? А если с помощью последнего производятся антиблага, подобные алкоголю, марихуане и другим наркотикам для одурманивания населения, следует ли подвергать услуги профессора акцизному сбору? Если профессор Макклоски числится сразу в трех университетах, то какому из этих заведений принадлежит право владения, а какой должен платить за аренду ее человеческого капитала? Или если теперь имплицитный контракт (контракт о найме) заменяется на гибридный, связанный с совместным использованием капитала, то как должно выглядеть распределение прав на человеческий капитал? Принадлежит ли профессор университету (как игрок — футбольному клубу) или здесь действует другое распределение прав собственности?

В-третьих, Макклоски специально путает аспекты *производства* и *распределения* дохода. Пикетти говорит, по сути, только о распределении дохода; причины замедления экономического роста им не рассматриваются. Говоря о *распределении*, логично выделять «доходы от труда» и «доходы от капитала», что он и делает, не более того. В свою очередь, человеческий капитал вводится экономистами-теоретиками при рассмотрении *производства* дохода, для того чтобы интерпретировать известный «остаток Солоу» и не отказываться при этом от явно устаревшей, но по-прежнему удобной теории предельной производительности факторов производства. Однако объяснить «остаток Солоу» можно и по-другому — например, за счет структурных факторов, определяющих совокупную производительность труда, и Макклоски не может об этом не знать.

Российские читатели старшего поколения прекрасно помнят набившую оскомину риторику советских замполитов, рисовавших успехи СССР по сравнению с 1913 годом. Макклоски, конечно, легко их переплюнула: она начинает отсчет с 1800 года. Но к работе Пикетти, который озабочен проблемой роста неравенства в XXI веке, это имеет весьма отдаленное отношение.

Личностные выпады Макклоски против Пикетти также разбросаны по всей статье. Цель этих выпадов понятна:

«Участник диспута должен дать почувствовать противнику свое интеллектуальное и моральное превосходство, иными словами, дать понять, что противник — человек ограниченный, слабоумный, графоман, болтун, совершенный нуль, дутая величина, эпигон, безграмотный мошенник, лапоть, плевел, подонок и вообще субъект, недостойный того, чтобы с ним разговаривали. Такая априорная посылка дает вам затем право на тот барский, высокомерно-поучающий и самоуверенный тон, который неотделим от понятия “дискуссия”»².

Разберем один пример.

«Поразительные доказательства плохого образования Пикетти появляются уже на стр. 6... Если предложение какого-то товара недостаточно, а его цена завышена, *то спрос на этот товар должен снизиться, что приведет к снижению его цены*... В словах., которые я выделила курсивом, явно перепутано движение вдоль кривой спроса со смещением всей кривой — типичная ошибка студента первого курса университета. Правильный анализ (мы говорим это нашим первокурсникам где-то на четвертой неделе учебы) состоит в том, что когда цена «слишком велика», «восстанавливает равновесие» не вся кривая спроса (хотя в краткосрочной перспективе высокая цена действительно побуждает людей экономить на бензине или на городской земле за счет уменьшения размера машин и квартир, перемещаясь тем самым вверх по соответствующим неподвижным кривым спроса), *а в конечном счете сдвигающаяся вовне (вправо) кривая предложения*... Итак, разобравшись с этим в стиле блестящего первокурсника на третьей неделе изучения элементарной экономической теории, он триумфально приходит к выводу об очевидной глупости идеи, разделяемой дружественными богачам экономистами-неоклассиками...

Я была настолько поражена этим фрагментом, что, призвав на помощь свой позорно слабый французский, обратилась к оригиналу, чтобы выяснить, не было ли это ошибкой в переводе» [Макклоски, 2015. С. 171–173].

Можно согласиться, что Пикетти действительно сделал ошибку. Однако чего стоят все эти рассуждения Макклоски? Во-первых, «сдвигающаяся вправо» кривая предложения означает, что производители увеличивают выпуск, приобретая точно такие же машины и оборудование, нанимая таких же работников, используя те же самые технологии, что имелись у них и до увеличения выпуска. В реальности такое, конечно, невозможно — в отличие от развешивания лапши на уши американским первокурсникам. Если же технологии вместе со столь любимым Макклоски «человеческим капиталом» меняются, то заодно изменится и форма, и положение кривой предложения. В свою очередь, последнее означает, что будет иметь место шумпетерианская конкуренция, инновации, а это приведет к сдвигу не только кривой предложения, но и кривой спроса.

Во-вторых, где же это Макклоски видела, чтобы «высокая цена действительно побуждала людей экономить на бензине за счет уменьшения размера машин»? Автомобиль едва ли не с момента своего появления становится «вебленовским», то есть статусным товаром.

² Чапек К. Двенадцать приемов литературной полемики, или Пособие по газетным дискуссиям. Доступно в: <http://lib.ru/SOCFANT/CHAPEK/gazeta.txt/>.

Попробуйте-ка пересадить американских или российских любителей внедорожников на городские микроавтомобили. Функциональная зависимость между ценой и объемом спроса на вебленовские товары отсутствует, при этом в XXI веке основная часть товаров и услуг конечного потребления стала именно такими товарами. Трудно поверить, что историку экономики Макклоски это неизвестно. Все эти риторические «пляски» вокруг «креста Маршалла», который занимает меньше одного процента в общем объеме текста Пикетти, нужны ей только для дискредитации компетентности французского профессора. И для достижения этой цели она даже готова сама опуститься до уровня американского первокурсника и сделать вид, что не знает ни Шумпетера, ни Веблена.

Идеологическая аргументация Макклоски — это в основном история ее личной эволюции от левых к правым:

«Типичный левый (серьезное беспокойство по поводу тех или иных несовершенств в основном исходит от них, хотя это не так уж и естественно, принимая во внимание то, как “капитализм” принес большие выгоды рабочему классу) начинает с глубинной убежденности, что капитализм содержит серьезные изъяны. Эта убежденность приобретает им в возрасте шестнадцати лет, когда он обнаруживает существование бедности, но ему не хватает интеллектуальных инструментов, чтобы понять ее источник. Я тоже следовала этой модели и потому на некоторое время стала социалисткой в стиле Джоан Баэз...» [Макклоски, 2015. С. 189].

С тех пор много воды утекло, и теперь Макклоски позиционирует себя как (правую) либералку. Казалось бы, ну и что? Однако именно то, что «фундаментальной *этической* проблемой книги является то, что у Пикетти отсутствует рефлексия по поводу того, почему неравенство само по себе есть зло» (с. 175), занимает Макклоски более всего — более половины ее статьи посвящена апологетике капитализма, улучшающего положение бедных (и самых бедных), и глумлению над своими бывшими идеологическими соратниками. При этом вся ее аргументация хорошо знакома российскому читателю, пережившему бурные перестроечные годы:

- «отнять и поделить» — Шариков из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова: «Теория большого богатства, разделяемого крестьянами, пролетариатом и их якобы защитниками из числа левой интеллигенции, считает его незаслуженным, нечестным, результатом удачи и кражи. Теория большого богатства, разделяемая аристократией и ее защитниками из числа правой интеллигенции, считает его заслуженным через наследование, которое, в свою очередь, оправдывается стародавней удачей или кражей, и это наследство мы, *aristoi*, должны, конечно, получить без психологически успокоительных рационализаций. Напротив, теория большого богатства, разделяемая буржуазией и ее друзьями, либеральными

экономистами, приписывает его добродетели, заключающейся в том, чтобы этически правомерным образом, то есть без насилия, поставлять людям то, что они хотят купить» [Макклоски, 2015. С. 177]. В общем, слава буржуазии, позор шариковым;

- «все эти коммунистические лицемеры нас обманывают, а сами-то хорошо живут»: «книга вышла на английском в 2014 году в *Harvard University Press* под шумные приветствия таких колумнистов, как Пол Кругман, и сразу же обосновалась в верхней части списка бестселлеров по версии *New York Times*. Немецкий перевод вышел в конце 2014-го, и Пикетти (который, должно быть, порядком подустал от всего этого) работал сверхурочно, представляя свои взгляды широкой немецкой аудитории. Он плохо смотрится на телевизионном экране, поскольку ему не хватает чувства юмора, но он не отступает, и продажи книги растут» [Макклоски, 2015. С. 153]. «Они одержимы изменениями, происходящими в первом акте, которые не могут существенно помочь бедным и, как нередко можно показать, скорее ухудшают положение последних; вдобавок они одержимы гневной завистью по поводу потребления жестокосердных богачей, хотя сами нередко входят в их число (что вы сделаете со своими авторскими гонорарами, профессор Пикетти?)» [Макклоски, 2015. С. 191]. Слава буржуазии, позор жадным лживым левым;
- «ложное сознание свойственно не прискорбно заблуждающимся рабочим, а самой левой интеллигенции... “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”: требуйте прогресса, проходящего проверку рынком в условиях режима частной собственности и производства прибыли. А еще лучше — сами становитесь буржуа, как это сделали большие группы рабочих в богатых странах, доля которых в США приближается к 100%, если определять ее по самоидентификации людей, относящих себя к среднему классу... Если рабочие оказались “обмануты”, принимая Буржуазную сделку, то тогда давайте встретим двукратным с половиной “ура” такой способ быть обманутыми — половинку “ура” вычтем в счет того, что в принципе недостойно быть чем-то “обманутым”. Двухсполовинократное “ура” новому доминированию буржуазной идеологии с 1800 года и всё более широкому принятию Буржуазной сделки!» (Макклоски, 2015. С. 182).

Ну надо же. 100% населения США — буржуи, относящие себя к среднему классу... Вот, помнится, в СССР тоже когда-то поборолись с коммунистическими привилегиями и приняли «Буржуазную сделку». И средний класс теперь у нас есть, и богатые... но, в общем, пока явно не 100%. Подождем еще. Макклоски сказала, всё будет хорошо, она знает, она из США — не обманет.

Что касается упрека Макклоски относительно отсутствия у Пикетти рефлексии по поводу зла, приносимого неравенством, то мы не можем с ним согласиться. В небольшом разделе, озаглавленном «Рантье — враг демократии», Пикетти пишет:

«Наши демократические общества исходят из меритократических надежд, то есть из веры в общество, в котором неравенство в большей степени определяется личными достоинствами и трудом, а не наследственностью и рентой. Эта вера и эти надежды играют ключевую роль в современном обществе...: при демократии провозглашаемое равенство прав гражданина вступает в противоречие с вполне реальным неравенством в уровне жизни; чтобы его разрешить, жизненно необходимо сделать так, чтобы социальное неравенство проистекало из рациональных и универсальных принципов, а не из произвольного стечения обстоятельств. Неравенство должно быть справедливым и полезным для всех...» [Пикетти, 2016. С. 421].

Известная риторическая уловка правых заключается в том, чтобы объявить любые перераспределительные требования «социализмом», а сам социализм — смертным грехом, концентрированной завистью, ресентиментом. Однако даже такой критик социализма и исследователь чувства зависти, как Гельмут Шёк, указывает, что зависть лежит и в основе социального контроля и справедливости³. Более того, являются ли на самом деле несовместимыми экономический либерализм и прогрессивное налогообложение, на котором настаивает Пикетти? Нет, не являются, введение прогрессивного налога на потребление давно отстаивает Роберт Фрэнк, которого в этом отношении поддерживал не кто-нибудь, а сам Милтон Фридмен [Фрэнк, 2013. С. 134–136; Frank, 2011]. Так к чему тогда вся эта самодовольная пропаганда преимуществ капитализма, развернутая Макклоски? Пикетти — далеко не Маркс, и уж тем более не Ленин. Промышленный пролетариат — класс, удельный вес которого в богатых странах постоянно сокращается, никак не может угрожать 100% богатым в США социалистической революцией. Видимо, бывшим левым просто хочется быть «святее Папы Римского».

Как уже говорилось, основные выводы «Капитала в XXI веке» могут быть оспорены, но с других позиций. Критика Макклоски, построенная на некорректном использовании категории «человеческий капитал», дискредитации компетенции и идеологических принципов

³ «Спонтанный взаимный надзор, которым человеческие существа занимаются по отношению друг к другу, — иными словами, социальный контроль — обязан своей эффективностью тому, что во всех нас есть латентная зависть. Если бы мы были совсем неспособны к зависти (!!!) и, что более важно, если бы мы также были убеждены, что никто не станет завидовать нашему поведению, то было бы невозможно взаимное экспериментальное исследование порога социальной толерантности — постоянный социальный процесс, от которого зависит предсказуемость социальной жизни.

Без зависти социальные группы любого размера не могли бы существовать...» [Шёк, 2010. С. 133; Shoeck, 1966].

Пикетти, имеет сомнительную научную ценность. Малая вероятность реализации представленного Пикетти прогноза обусловлена совсем другими причинами.

Существенные замедления темпов экономического роста богатых стран случались и раньше (например, в 1930-х и 1970-х годах). Герхардом Меншем в его известной работе [Менш, 2001; Mensch, 1979] был описан механизм возникновения своеобразной «паузы» (технологического пата), составляющей часть понижательной волны большого цикла конъюнктуры, которые были выделены еще Николаем Кондратьевым. Если это так, то новая технологическая перестройка завершится уже к 2030 году, если не раньше. И тогда темпы роста станут выше, чем доходность физического капитала, а сюжет увеличения социальной дифференциации завершится сам собой.

Кроме того, Пикетти вообще не рассматривает *причины* нынешнего замедления экономического роста. В его дискурсе обосновывается возрастание значения наследуемого капитала — с этим можно согласиться. Но возврат социальной структуры богатых стран к условиям XIX века выглядит крайне странно. Земельная аристократия, промышленники, мелкие собственники, дворяне, крестьяне, рабочие... Персонажи Оноре де Бальзака и Джейн Остин имеют к нынешним социальным ролям крайне отдаленное отношение.

Предположим, Пикетти прав — темпы экономического роста богатых стран будут ниже, чем доходность капитала, и это надолго. Кто будет основными действующими лицами новых социальных драм? Роберт Шиллер указывает, что, «по данным американского Бюро трудовой статистики, в сфере финансов и страхования было занято 20,3% населения США,.. [в то время как] ...Арджун Джейадев и Сэмюэль Боулс подсчитали, что в 2002 году в сфере предоставления охранных услуг в той или иной форме (контролеры, охранники, военные) было занято 19,7% рабочей силы США» [Шиллер, 2014. С. 48–49; Shiller, 2012]. Тем же путем движутся и европейские страны.

Россия, похоже, находится где-то в хвосте данного тренда: работников частных охранных предприятий здесь 719 тыс. человек⁴. Это пока несколько меньше, чем численность российской армии (770 тыс. человек). Однако в это число явно не входят собственные службы безопасности банков и корпораций, полицейские силы, нацгвардия.

Можно ли назвать экономическое устройство общества, в котором численность охранников намного больше, чем крестьян (фермеров) и рабочих (промышленного пролетариата) вместе взятых,

⁴ В России растет число ЧОПов и частных охранников // Известия, 16.03.2015 (см.: <http://izvestia.ru/news/584100/>).

капитализмом? Что ж, почему бы и нет, хотя вряд ли Пикетти имеет в виду *такой* капитализм. При развитом воображении последователи Пикетти смогут, наверное, обосновать, что военные, полицейские, охранники — это «рантье». Если посмотреть на дело с другой стороны, то мне пока неизвестны работы, которые обосновывали бы рост производительности человеческого капитала работников, занятых на быстрорастущем рынке охранных услуг. Но я не сомневаюсь, что они уже написаны и где-то опубликованы выдающимися западными экономистами, коллегами Макклоски.

Перспектива эволюции государств с медленно растущей, стагнирующей экономикой, где каждый пятый занятый связан с централизованным или децентрализованным насилием и еще столько же работников так или иначе торгуют деньгами, как-то не располагает к историческому оптимизму. Оно и правда, лучше об этом не думать и верить в наступление светлого капиталистического будущего, где все 100% членов общества непременно станут богатыми.

Литература

1. Макклоски Д. Измеренный, безмерный, преувеличенный и безосновательный пессимизм (о книге «Капитализм в XXI веке» Томаса Пикетти) / Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 153–195.
2. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М., СПб: Изд-во Института Гайдара, Изд-во «Международные отношения», Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2015.
3. Мениш Г. Технологический пат: инновации преодолевают депрессию. М.: Экономика, 2001.
4. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
5. Райнерт Э. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2014.
6. Фрэнк Р. Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.
7. Шёк Г. Зависть: теория социального поведения. М.: ИРИСЭН, 2010.
8. Шиллер Р. Финансы и хорошее общество. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

Ekonomicheskaya Politika, 2017, vol. 12, no. 2, pp. 226–237

Petr A. OREKHOVSKY, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Fellow, The Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation); Professor, Finance University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky prosp., Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Sly, Manipulative, Smug Bourgeois Optimism
(On D. McCloskey Article about the Book by T. Piketty «Capital in the XXI Century»)

Abstract

The book T. Piketty “Capital in the 21st Century” is devoted to the growth of inequality, which is observed in rich Western countries, since the 80’s last century. Piketty uses a two-factor model of economic growth, distributing GDP between labor and capital. Return on equity profitability, measured in percents. Thus, if the growth rate of the population that determines the growth rate of employment is less or equal to the growth rate of capital, and the overall rate of GDP growth is lower than the return on capital, the share of labor (wages) in GDP is reduced, and the share of income from capital is growing. D. McCloskey sharply criticizes both the methods of analysis used by T. Piketty, and the results of his research. She argues that Piketty ignores the “human capital” factor, which is the main source of economic growth. Thus, it reduces the process of economic growth to a one-factor model, where workers — owners of human capital — also become capitalists. Thus rhetorical fraud is allowed, and the category “human capital” is transferred from the sphere of production to the sphere of income distribution. McCloskey also admits personal attacks, trying to discredit the scientific reputation of Piketty as a person who does not know the basic microeconomic models. For this, a small mistake by Piketty is used, related to ignoring the supply response for a shortage of goods. At the same time, McCloskey, trying to hurt the enemy, ignores the availability of Veblen’s goods and Schumpeterian competition. Finally, McCloskey is engaged in unrestrained propaganda of capitalism, which has nothing to do with the essence of work of Piketty. Nevertheless, Piketty conclusions can indeed be mistaken. However, this is due to a possible technological pause and significant changes in the social structure — factors that go far beyond the scope of the Piketty study.

Keywords: Thomas Piketty, Deirdre McCloskey, rhetoric, human capital, Veblen effects, long-term economic growth.

JEL: B41, D11, D33, E24, O43.

References

1. Makkloski D. Izmerennyi, bezmernyi, preuvelichennyi i bezosnovatel'nyi pessimizm (O knige «Kapitalizm v XXI veke» Tomasa Piketti) [Measured, unmeasured, mismeasured and unjustified pessimism: A review essay of Thomas Piketty’s Capitalism in the twentieth century]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2016, vol. 11, no. 4, pp. 153–195.
2. Makkloski D. *Ritorika ekonomicheskoi nauki [The rhetoric of economics]*. Moscow, St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gaidara, Izd-vo Mezhdunarodnye otnosheniia, Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2015.
3. Mensh G. *Tekhnologicheskii pat: Innovatsii preodolevaiut depressiiu [Stalemate in technology — innovations overcome the depression]*. Moscow: Ekonomika, 2001.
4. Piketti T. *Kapital v XXI veke [Capital in the twenty-first century]*. Moscow: Ad Marginem Press, 2016.
5. Rainert E. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostaiutsia bednymi [How rich countries got rich... and why poor countries stay poor]*. Moscow: Izd. dom NIU HSE, 2014.
6. Frenk R. *Darvinovskaia ekonomika: Svoboda, konkurentsia i obshchee blago [The Darwin economy: Liberty, competition, and the common good]*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 2013.
7. Shek G. *Zavist': Teoriia sotsial'nogo povedeniia [Envy: A theory of social behavior]*. Moscow: IRISEN, 2010.
8. Shiller R. *Finansy i khoroshee obshchestvo [Finance and the good society]*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 2014.